

НЕВЕРНЫЕ КАРТЫ ГЕРМАНА, ИЛИ ПОДАСТ ЛИ ХРУСТАЛЕВ МАШИНУ?

С тем, что жить стало лучше, можно еще поспорить. С тем, что жить стало веселее, спорить невозможно. Наша злобеще веселая жизнь в мгновение ока приучила нас не удивляться ничему. Ни толпам нищих в подземных переходах, ни выстрелам на соседней улице, ни авариям на атомных станциях. Менее же всего способен поразить наше воображение очередной публичный конфликт с выяснением отношений на газетных страницах. Так что неудивительно, если повесть о том, как поссорились режиссер Алексей Юрьевич Герман и директор киностудии «Ленфильм» Александр Алексеевич Голутва, покажется уважаемой публике чтением малоувлекательным. Однако на самом деле повесть эта в высшей степени поучительна.

Все началось с того, что Алексей Юрьевич Герман выступил в столичной прессе с рядом разоблачительных заявлений. Чем больше кинозритель отвыкал за последние годы от режиссера Германа, тем больше читатель привыкал к Герману-публицисту, который охотно делился своей точкой зрения на все животрепещущие проблемы современности — от кризиса политической власти в стране до упадка школьного образования.

На этот раз очередь дошла до родного «Ленфильма». Как обычно, наступление Алексей Юрьевич повел широким фронтом (кажется, без его внимания остались только «День», «Коммерсант» и «Сельская жизнь»). Ничтоже сумняшеся он обвинил директора «Ленфильма» Голутву во всех смертных грехах. А именно — в планомерном развале студии, вероломном предательстве славных ленфильмовских традиций, злостном насаждении чуждого коммерческого духа и глумлении неуважении к художникам. Короче, власть на «Ленфильме» узурпировала банда непрофессионалов. Она полностью контролирует положе-

ние. Она создала на студии невыносимую криминогенную обстановку. И лишь один Алексей Юрьевич Герман остается верен законам чести и подобно бесстрашному комиссару бросает вызов всемогущему «крестному отцу» и его присным.

Обвинения нешуточные. Но только на первый взгляд. Поскольку рассчитаны они лишь на самых неосведомленных поклонников отечественного кино, обеспокоенных его и впрямь незавидной судьбой. Для остальных очевидно весьма вольное обращение Алексея Юрьевича с фактами. И доказать это не составляет особенного труда.

Всякому, кто мало-мальски знаком с положением дел на «Ленфильме», известно, что производство на студии не сворачивается, а расширяется. Что здесь снимают свое кино режиссеры, которых едва ли можно уличить в коммерческих пристрастиях, — Сергей Сельянов и Валерий Огородников, Александр Рогожкин и Дмитрий Долинин, Виктор Аристов и Светлана Проскурина. Те, чьи имена принесли известность петербургскому кино и чьи фильмы ежегодно получают престижные награды на разнообразных международных фестивалях.

Обо всем этом осторожно напомнили Алексею Юрьевичу Герману петербургские режиссеры своим открытым письмом в «Комсомольскую правду» — поскольку именно с этого плацдарма начал он свою боевую операцию. А собрание коллектива ленфильмовцев это письмо поддержало.

Возможно, в самом напоминании и не было особой нужды. Потому что на самом деле Герману все это известно лучше, чем многим другим. Равно как и то, что директор киностудии «Ленфильм» не ответствен за уровень фильмов других киностудий ассоциации. Что Голутва не разгонял (вопреки утверждению Германа) худсовет «Ленфильма» — на-

против, сам Алексей Юрьевич с успехом проделал это в своей Мастерской первого и экспериментального фильма. Но что за дело Алексею Юрьевичу до упрямых фактов? К игре, которую он ведет, факты никакого отношения не имеют.

В оценке подоплеку этой игры мнения расходятся. Одни считают, что все дело в самобытной природе таланта режиссера Германа, приступившего наконец к съемкам нового фильма «ХрусталеВ, машину!». Скандал для него — нечто вроде необходимого допинга для приведения себя в боевое (оно же рабочее) состояние. Другие склонны видеть в происходящем проявление известного любителям шахмат «синдрома Бобби Фишера». Слишком высоко поднял режиссер собственную планку фильмом «Мой друг Иван Лапшин». Десять лет тому назад.

Как бы то ни было, к генеральному сражению Алексей Юрьевич подошел во всеоружии. А главное — имея на руках неоспоримый козырь: оказывается, в далеком прошлом директор «Ленфильма» несколько лет проработал в обкоме партии. Не беда, что раньше это обстоятельство естественным образом не смущало никого, и в первую очередь — самого Алексея Юрьевича. Ничего, что сегодня это не дает покоя лишь ему одному, — Герман смело ставит на верную карту.

И обдергивается. Полемицировать с этим «обвинением» неловко — слишком многое смущает. Смущает неприкрытый расчет на просвещенного обывателя, для кото-

рого нет большего удовольствия, чем уличить ненавистных «партократов-аппаратчиков», прибравших к рукам власть на стройках капитализма. Правда, для упреков директору «Ленфильма» в абстрактном «обкомовском» прошлом оснований куда меньше, чем для упреков иному столпу отечественной словесности в создании конкретных рассказов, прославляющих рыцарей революции, или иному композитору — в сочинении конкретных верноподданнических песен. Да и громогласно культивировать собственную непогрешимость — весьма и весьма небезопасно, поскольку газетные страницы, как и рукописи, не горят (о чем уже не преминули напомнить Алексею Юрьевичу дотошные критики-архивариусы). Словом, многое делает откровения режиссера весьма и весьма сомнительными, если не сказать — двусмысленными.

Что же касается сюжета о бесстрашном комиссаре и всемогущей мафии, то лучшей к нему иллюстрацией служит история с тем самым открытым письмом петербургских режиссеров в «Комсомольскую правду». Оказалось, что опубликовать его никоим образом невозможно. Что уважаемую газету точка зрения его авторов не интересует. «Знаем мы цену этим подписям и этим именам» — таков был ответ. Имена, которым знают цену в «Комсомольской правде», — Александр Сокуров, Сергей Сельянов, Сергей Микаэлян, Сергей Снежкин, Дмитрий Долинин... Список можно продолжить.

Справедливости ради надо сказать, что «Комсомолка» оказалась не одинока в своей «приверженности» плюрализму мнений. По разным причинам не смогли поступиться принципами и другие флагманы гласности. Две недели спустя «Комсомольская правда» все же удостоила письмо чести быть напечатанным. Набранное мелким шрифтом, оно было стыдливо загнано в самый «подвал» и для верности придалено очередным пространным монологом Германа под впечатляющим заголовком «Разговор кинопродávца с поэтом». Повторив стандартный набор обвинений в адрес директора, поэт режиссуры сурово осудил своих коллег-непоэтов, осмелившихся иметь точку зрения, отличную от его. Алексей Юрьевич образно сравнил их со стаей угодливых клерков, которые расталкивают друг друга локтями, желая продемонстрировать безграничную преданность хозяину. Встречая ослушников в ленфильмовских коридорах, Герман пенял одним, укорял других, угрожал третьим.

В те же счастливые дни состоялся пленум Петербургского союза кинематографистов. Алексей Юрьевич Герман дважды держал речь и, по обыкновению, в выражениях не стеснялся. «Бездария», «ворье», «ничтожество» — самое невинное из того, что многие узнали о себе от автора «Двадцати дней без войны», щедро переспавшего брань клятвами в верности ленфильмовским традициям и именами Козинцева, Авербаха, Асановой... Правда, большинство кинематографи-

стов испытало столь сильное потрясение от трагического монолога в первом акте, что предпочло не дожидаться второго и покинуло зрительный зал во время антракта.

Увы, гневные слова Алексея Юрьевича о неприкасаемом чиновнике, захватившем безграничную власть, с неизбежностью возвращаются бумерангом к нему самому — художнику-начальнику с непрекращаемым авторитетом и уверенностью в собственном праве на гневный окрик и безнаказанное оскорбление. (Стоило только «Литератору» опубликовать хлесткий фельетон на тему вышеозначенных событий, как на неосторожную редакцию обрушилась целая серия телефонных звонков. Особую ликантность конфликту придает то обстоятельство, что ни одного имени фельетонистом названо не было).

«Я художник», «Дайте дорогу художнику» — любит повторять Алексей Юрьевич устами заголовков своих многочисленных интервью. Излишне говорить, что автор «Ивана Лапшина» и «Проверки на дорогах» имеет на такие слова неоспоримое право, хотя настоятельность этой самохарактеристики несколько коробит слух. Но есть жанры, в которых художнику выступать не пристало. Например, жанр публично-го навета. Есть компании, в которых художнику оказывать негоже. Например, в компании телевизионного «секунданта», многозначительно потирающего с телеэкрана ничего не доказывающими обличительными документами. Да и как может художник, не-

устанно заявлявший о своей оппозиционности режиму, вдруг с обезоруживающей откровенностью продемонстрировать столь «советский» образ мышления со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями? И в первую очередь — с убежденностью в том, что отношения следует выяснять исключительно на страницах печатных изданий. Только если раньше для принятия соответствующих мер необходимо было прибегнуть к услугам передовицы «Правды», то сегодня, похоже, ее роль перешла по наследству к «Независимой газете» или той же «Комсомолке». А уж когда художник позволяет себе бравировать личными связями с правоохранительными органами — он уполномочивает себя даже не Ивану Лапшину, а его куда менее симпатичному собрату Васье Окошкину, который страсть как любил в случае чего Соловками припугнуть...

Кажется, время сыграло с Алексеем Юрьевичем Германом весьма злую шутку — он утратил чувство юмора во взаимоотношениях с самим собой. Не без помощи искренних почитателей его творчества он определил сам себя на такую недостижимую высоту, с которой все происходящее кажется ему вполне уместным. Дело в конце концов не в «крестовом походе» Германа против директора студии. Рота солдат, шагающих не в ногу с поручиком, куда многочисленнее, чем это может показаться. И взаимоотношения художественного руководителя Мастерской первого и экспериментального фильма с молодыми режиссерами куда как далеки от той благостной иллюзии, которую рисуют многочисленные интервью мастера. Алексей Юрьевич, например, громогласно призывает бережно относиться к молодым талантам, меж тем стены Мастерской видали всякое — и ругань, и оскорбления, и упреки в неблагодарности. И сре-

ди режиссеров, подписавших открытое письмо в «Комсомолку», есть те, кто прошел суровую «школу» мастерской Германа. (Кстати, ни в одном из своих интервью художественный руководитель ни словом не упомянул о главном редакторе Юрии Павлове. Почему сегодня Павлов не работает в Мастерской — вопрос другой. Но именно Павлову обязана Мастерская успехом многих своих фильмов. Режиссеры об этом знают и этого не скрывают. Алексей Юрьевич об этом тоже знает, но предпочитает молчать).

«Режиссер обязан быть голодным», — поучает Алексей Юрьевич молодых в ответ на их «непомерно» высокие требования. Пусть на совести мастера останется присвоенное им право решать, кому следует быть голодным, а кому нет. Режиссер не должен быть голодным. Режиссер должен снимать кино.

Кино сегодня снимать трудно. И не одному только Алексею Юрьевичу Герману. Возможно, ему труднее других. Это понятно и объяснимо. Но когда обеспокоенность за судьбу студии становится козырной картой в игре амбиций и интересов, поневоле возникают сомнения в том, насколько эта обеспокоенность искренняя. А также — сомнения в чьей-либо праве монополизировать студийный патриотизм и «верность традициям». Даже если в роли главного «патриота» выступает сам Алексей Юрьевич Герман.

Очень хочется, чтобы он закопал топор войны и откопал кинокамеру...

Дмитрий САВЕЛЬЕВ,
Ян ВИНОГРАДОВ,
кинокритики